

О.Б. Дашков

Пятый угол

Путешествие в социализм

О. Б. Дашков

Пятый угол

Путешествие в социализм

Москва

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»

2012

УДК 82-1
ББК 84-4
Д 21

Д 21 Дашков О.Б.
 Пятый угол. Путешествие в социализм. – М. :
Издательско – торговая корпорация «Дашков и К°»,
2012. — 72 с.

ISBN 978-5-394-02155-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТЫЙ УГОЛ

Часть I. *Пальто из Бразилии*

1. Пальто из Бразилии	6
2. Белая акула.	9
3. Блохи.	11
4. Телевизор	13
5. Золотой...	15
6. Премия.	17
7. Утюг.	19
8. Гречка.	21
9. Комета.	23
10. Петрова.	25
11. Директор, физрук и секции.	28
12. Береговая болезнь.	31
13. Мореманы.	33
14. Планктон.	35
15. ... о зайце.	38

Часть II. *Колибри*

или «8-й отдел О. Кольского»

1. Вечный праздник.	41
2. Загадка.	43
3. Скалярии.	45
4. Здравствуй!.	47
5. «Светильник».	49
6. Колибри.	52
7. Приветствие.	54
8. Приказ.	56
9. Портрет.	58
10. Чай	60
11. Возглас.	61
12. Ой-ля-ля...	62
13. Глухота.	64
14. Часы.	67
15. Привычка.	70

ПАЛЬТО ИЗ БРАЗИЛИИ

Готовясь к зиме и предвидя холода, понес я в химчистку пальто. Находилась она неподалеку – через улицу от дома.

Встретил меня приемщик – мужчина низенький, толстенький, с волосатыми и веснушчатыми руками.

– Ай, какой вы молодец, – сказал он, – что пришли к нам! Приди вы на ул. Копытова или Шмидта, вам там черте как почистили... А у нас, знаете ли, совсем другое дело: все будет на высоте! Да! Блеск все будет!

– Правда? – обрадовался я. И положив на стол сверток, торопливо зашелестел бумагой.

– Ну-с... – почесал ладони толстячок. – Что у вас там? О! – задохнулся восторгом он. – Пальто! Зимнее... Замечательно!..

Схватив пальто за плечики, встряхнув и повертев им так и сяк, приемщик бросил вещь на стол.

– Та-а-ак... – протянул он, доставая чистый бланк и из-за уха – ручку. – Прелестно... Значит, запишем: «Пальто зимнее, мужское...»

– Ага! – поддакнул я. – Мужское!

– Как будем чистить? – поинтересовался он. – Целиком? Частично?

– Зачем же целиком?! – испугался я. И представил барабан прачечной, где в мыле вертятся простыни. – Ему и двух лет нет... Пятнышки на нем!

– Так-так... – отложив ручку, приемщик нагнулся к столу. – Так и есть: пятна! Вот это, – поднял он манжет рукава, – от чего?

– Это пиво, – сказал я. – В баре, знаете ли, стойку вытер...

– Так-так... А это? – колупнул ногтем он под хлястиком.

– Это краска... В подъезде у «Родины» кто-то перилла красил... А я – прислонился...

– Понятно... Ну, а это? – приемщик ткнул волосатым пальцем ниже воротника.

– Это? – смутившись, я потупился. – Это... губная помада... Французская...

– Хе-хе..., – побряхтел толстячок. – Дела... Ну, ладно. Пишем: «удаление пятен»... Какой у вас адрес?

– Генерала Журбы, двенадцать, квартира семь...

Высунув язык, он старательно и аккуратно заполнил графу квитанции.

– Тэ-э-к-с... – посмотрел на меня толстячок. – Все, конечно, прекрасно. Только воротничок, знаете ли, спороть придется. Чистый мех... Попортим, боюсь...

– Ничего-ничего..., – замахал я руками. – Спарывайте. Мне лишь бы как лучше было.

Взяв ножницы, приемщик ловко отмахнул воротник.

– Вот... – удовлетворенно произнес он. И снова вопросительно глянул на меня.

– Что-то не так? – спросил я.

– Вообще-то – все так..., – вздохнул толстячок. – Только, гляжу, пуговицы у вас не стандартные, декоративные. В суতোлке, понимаешь ли, можем оторвать, потерять... Может, мы их тоже – того... – И он пощелкал двумя пальцами.

Я – мгновение поколебался.

– А-а... – решился. – Спарывайте...

Одна за другой пуговицы покатались по столу. Собрав в горсть, я положил их на воротник.

– Все? – спросил я.

– Почти... – трагично ответил толстячок. И вытянул из бретелек пояс. Тоже возьмите: не ровен час зацепил где... оброним...

Завернув в воротник пуговицы и пояс, я потянулся было за деньгами...

– Куда вы торопитесь? – удивился приемщик. – Подкладка же ещё...

– Тоже?! – ужаснулся я. – Ее-то – зачем? Она же – чистая!

– Правильно... – согласился приемщик. – Но ваши пятна, знаете ли, материю насквозь пропитали. А подкладка мешает. Да!

– Не дам! – взвыл я. И схватил пальто за ворот. – Я вещь вам целиком чистить принес! А вы, извините, одну шкурку от него оставляете! Где я буду потом подкладку подшивать, а? Где?!.

– О, господи! Чего там пришивать? – заорал приемщик. – Проблем-то!

Некоторое время, вцепившись в пальто, мы, сопя и буравя друг друга взглядами, тянули его каждый к себе...

Потом раздался треск...

Взвизгнув, я разжал кисть.

– Ну вот..., – протянул мне подкладку приемщик. – А вы переживали... Сама отошла!

Я – булькнул горлом.

– Ой! – удивился толстячок. – А это что?

– Этикетка! – зло бросил я. – Фирмы бразильской! В «Альбатросе»* куплено пальто-то!..

– А это... Из какого же оно материала? Сверху как будто замша, а с оборота – и не замша вовсе... Синтетика!

– Почему мне знать? – съехидничал я. – Это вы знать должны...

Приемщик поскреб затылок, поцокал губами, подумал. Затем, покачав головой, отодвинул гадливо пальто от себя.

– Значит так..., – с сожалением проговорил он. – Похоже, мы с вами поспешили. Вещь я у вас не возьму! Да-да! Вещь не отечественная, импортная... Материал непонятный... Синтетика к тому же! Каким химикатом чистить – тоже не ясно... Нет-нет! Не возьму!

– Куда ж теперь мне с ним? – чуть не заплакал я. – Может, все-таки примите?

– Ни-ни... – отшатнулся приемщик. – Чистить начнем – испортим еще... Вы жаловаться будете... Нет – и точка! Где покупали, товарищ – там и чистите. Вот!

– В Бразилии что ли? – оторопел я.

– Это уж как вам угодно..., – хмыкнул толстячок. – Да-с!

Постоял я, погоревал... Потом собрал пальто, подмышку – и домой. Теперь, граждане, на этом бразильском пальто Тузик мой спит...

А на зиму я себе другое пальто купил – драповое. С ним, скажу вам, проще: любой химчистке драп – в радость.

13 июля 1984

* «Альбатрос» – валютный магазин г. Мурманска той поры (в Москве, аналогичный, – «Берёзка»).

У Т Ю Г

На кухоньке своей однокомнатной квартирке Манькин – худенький, тщедушный мужичок, – гладил брюки.

Стоя за раскладным столом, он с усердием водил утюгом по правой штанине и мурлыкал песенку.

И вдруг – треньк! бреньк! – утюг мигнул лампочкой. И... погас.

– Ой.., – сказал расстроено Манькин. И потряс утюгом. – Новенький ведь совсем!

Но лампочка не загоралась. Утюг быстро остывал.

Тут в кухню вошла Клягина, сожительница Манькина – женщина крупная и хорошая. Она любила Манькина за покладистый характер.

– Скоро ты, дорогой? – спросила она. – Мне стол под пельмени нужен...

– Вот.., – шмыгнул носом Манькин. И показал утюг. – Вышел, паразит, из строя! Отвёртка – где у нас?

– Васенька! – всплеснула руками Клягина. – Какая отвёртка? Ты что?! Его нельзя разбирать! Когда мы его покупали, я инструкцию поглядела. Там так было написано...

– Да? – удивился Манькин. – Хм-м... Куда ж его теперь?

– Фи! – улыбнулась сожительница. – Да в магазин снесёшь – и всё. По гарантийному свидетельству – новый получим.

Клягина, скажу вам, была женщина авторитетная: мудрыми советами её Манькин никогда не пренебрегал. Поэтому он нашёл на антресолях коробку от электроприбора и в ней – гарантийное свидетельство... Оделся и вышел из дому.

Универмаг находился рядом: только улицу перейти и пришлось. В отделе бытовых приборов – между саратовским холодильником и бакинским кондиционером, – Манькин увидел продавца. Он был весь синий и прекрасного пола...

– Здравствуйте! – бодро сказал Манькин. И поставил на прилавок коробку. – Два месяца назад я у вас – утюг купил!

– Поздравляю.., – совсем не празднично ответила продавец.

– Да? – растерялся Манькин. – Но он... сломался!

– Сожалею.., – молвила скорее агрессивно, чем сострадательно продавец, – А я причём?!

– Ой, ну как же! Его надо заменить.., – Манькин вытащил гарантийное свидетельство. – Вот...

Девушка, взглянув на листок, развела руками:

– Ничего не получится! Здесь написано: «завод-изготовитель город Бердянск». Утюги вашего типа мы давно распродали... Сейчас у нас утюги ижевского завода! Об обмене – и речи быть не может!

– Ой, ну какая разница?! – удивился Манькин. – Ижевск ли, Бердянск... всё равно ведь утюг! Может, поймете снисхождение?

– Не морочьте голову мне, товарищ! – сурово сказала продавец. – Сказала Нет – значит нет. Вот придут из Бердянска утюги – тогда приходите, обменяю.

А ежели ждать не хотите – отправляйте ваш утюг посылкой на завод-изготовитель, требуйте заменить. Или езжайте сами в этот Бердянск...

Манькин ошалело вытаращился на продавца. Он ясно представил нашу необъятную родину, затерянный в лесах Бердянск и этот самый «утюговый завод», плавающий в предрассветной дымке. Манькин зажмурился: ехать туда – совсем не хотелось.

Их универмага Манькин, вздыхая и охая, пошагал в ремонтную мастерскую. Та тоже располагалась неподалёку – близ кинотеатра «Северное сияние».

– Я к вам..., – сказал Манькин мастеру, выкладывая утюг на стол. – Вот... Надо починить...

– Прекрасно! – обрадовался мастер, здоровенный рябоватый детина. И потёр ладони. – Три пятнадцать – как новый будет! Реле времени, очевидно, барахлит.

– С-сколько?! – ужаснулся Манькин.

– Три рубля пятнадцать копеек, – повторил детина. И махнул бланком квитанции.

– Ну, знаете ли! – Манькин прижал утюг к груди. – У вас – и прейскурантик! Да первоначальная стоимость электроприбора – пять восемьдесят!.. Что же это за ремонт такой, а?

– Уж какой есть... – насупился детина. – Моё дело – предложить...

– Спасибо! – с вызовом сказал Манькин. – Ну уж дудки! Я лучше сам как-нибудь... отвёрточкой!

– Дело ваше..., – буркнул мастер. И, потеряв к посетителю всякий интерес, деловито полез с паяльником в стиральную машину.

– Конечно..., – злорадно подумал Манькин, выходя из мастерской. – У самого-то обе брючины – глажены!

Чертыхаясь и кляня утюговый завод Манькин добрался до дома. Дверь открыла Клягина. На голове у сожительницы – они всегда приводили Манькина в священный трепет, – были бигуди.

– Ну?... – спросила сожительница. – Что?

– Ничего не вышло, дорогая, – замороженно глядя на бигуди, прошептал Манькин. И робко добавил: Сам буду ремонтировать... Отвёртку-то... дай! Отвёртка, однако, не понадобилась...

Шумно вздохнув, сожительница Манькина, женщина хорошая, но чуток вспыльчивая, схватила утюг, яростно метнула его в форточку.

Страшно просвистев, упал тот с высоты восьмого этажа в овраг под домом, вонзился острой частью глубоко в землю...

ПРИВЫЧКА

В учреждении нашем сегодня – событие! Неожиданно сняли директора – Викентия Павловича Коновалова.

Тяжелый это был человек, крутой. В замах, скажу вам, мне у него нелегко приходилось. Да и не мне одному – всем.

Особенно Коновалов любил совещания... Соберет, бывало, всех и начинает всегда одинаково. Встанет, надуется, глаза выпучит и – трах! – кулаком по столу. И орать:

– Бездельники! Человек – существо мыслящее!.. На что вам мозг дан?! Чтобы причины искать?

Здесь Коновалов багровел...

– Вы же – научные работники! Протоны, – палец его устремлялся ко лбу, чертил в воздухе синусоиду, – должны прыгать! Нейроны, – палец чертил круг, – должны бегать! Серое вещество должно сереть! А вы?! – Коновалов переходил на визг. – Когда работать будете, товарищи?!

Да, был... И вот нате вам – сняли.

Учреждение с утра – что улей растревоженный. Одни – плачут. Вторые – шушукуются. Третьи – смеются и от счастья целуются. Четвертые – меня поздравляют.

– Ну, Кольский, – говорят, – ты дал! Экую махину подсел! Самого Коновалова!

И, восхищенно заглядывая в глаза, долго трясут мою правую кисть. Понятия не имею, на что они намекают! Но вид делаю важный и умный: внимание – это, знаете ли, приятно. Да, мне приятно! Только руки у них... того... лягушачьи, холодные какие-то.

Уже к обеду ко мне настоящее паломничество. На лестнице меня останавливает Леночка.

– Олежек! – ломая тонкие руки, жужжит она. – Лапочка! В «Близнецах» кофточки болгарские выбросили... Отпусти, родной, на часик, а? Знаешь... такая... с рюшечкой, с завязочками на рукавчиках, с воротом высоким. Очень мне к лицу!

И ест меня красивыми глазами. Не отпустишь, чувствую, – умрет... Вообще-то, знаете ли, непорядок. Но у меня с Леночкой... хм-м-м... дружба долгая, короче говоря.

– Иди., – вздыхаю...

Леночка радостно взвизгивает. Бросается на шею, целует и убегает.

Иду дальше... У пальмы возле курилки загораживает дорогу Перцовский, однокашник бывший.

– Олег Борисович... – мямлит, потупясь. – У меня машина в ГАИ оштрафована. Отпустите на пару часиков, а?

«Олег Борисович»! Знает, подлец, как подъехать!

– Бог с тобою, иди... – разрешаю. – Но чтоб к четверем как штык был.

Иду дальше по коридору... И начинается... Товарищ директор – Олег Борисович, Олег Борисович – товарищ директор...

– У меня теща ногу сломала...

– У меня День рождения...

– Мне билеты надо взять...

– А мне очередь занять...

– У меня дети ироды...

– У меня дети – сироты.

И все просят. Кто на часик, кто на два, кто на четыре. Иные – так вообще, – до конца дня.

Я сначала улыбаюсь, потом теряюсь... Но милостиво всех отпускаю.

Что здесь начинает твориться! Восторженные сотрудники поднимают меня на руки, качают, несут и скандируют:

– Да здравствует Кольский!

– Да здравствует Олег Борисович!

– Вечные лета ему!

– ... Вечное счастье!

Тут кто-то кричит:

– Братцы! В актовй зал его! Речь! Речь пусть скажет!

Несут меня. С высоты гляжу – море голов... Толпа... И все – подо мною. А я один – как бог, – на высоте!

– Правильно! – подхватывают десятки ртов. – Речь давай, Олег Борисович. Ублажи слух!

Бережно, как пушинку, опускают меня возле трибуны. Гляжу – рты пораскрывали, смотрят, слушают.

Встал я, оправился, галстук одернул.

– Чего бы им сказать? – думаю.

И вдруг – ничего с собой не могу поделать, – глаза мои лезут на лоб.

– Бездельники! – ору я. – Человек – существо мыслящее! На что вам дан мозг?! Чтобы причины искать?

И – трах! – кулаком по столу.

– Когда работать будете, товарищи?!

13 июля 1983